

ДЖОН ГРИН

ДЖОН ГРИН

МНОГОЧИСЛЕННЫЕ
КАТЕРИНЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г85

Серия «Любовь, звезды и все-все-все»

John Green

AN ABUNDANCE OF KATHERINES

Перевод с английского *А. Зайцева*

Компьютерный дизайн *В. Воронина*

Печатается с разрешения издательства Dutton Children's Books,
an imprint of Penguin Young Readers Group,
a division of Penguin Random House LLC.

Грин, Джон.

Г85 Многочисленные Катерины : [роман] / Джон Грин ;
[перевод с английского А. Зайцева]. — Москва :
Издательство АСТ, 2020. — 256 с. — (Любовь, звезды
и все-все-все).

ISBN 978-5-17-120282-8

Колин уверен, что способен обрести счастье лишь с девушкой по имени Катерина. Но...

Катерина IV предпочла ему другого парня.

Катерина X предложила быть друзьями.

Катерина XVIII бросила его по электронной почте.

А Катерина XIX просто разбила ему сердце.

Чтобы пережить очередное расставание, Колин решает отправиться в небольшое путешествие вместе с лучшим другом. И заодно разработать формулу, которая сможет определить будущее любых отношений.

Возможно, ему даже представится шанс испытать ее на практике и ответить на главный вопрос: подчиняется ли любовь математике?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

© John Green, 2006

© Перевод. А. Зайцев, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers,
2020

ISBN 978-5-17-120282-8

Моей жене, Саре Урист Грин, акrostих:

*Славянская ее улыбка
Алмаза дороже и чище, она как
Рассвет среди горных вершин.
Амулет, хранящий от грусти, она,
Удача ловца за диким зверем,
Родная и близкая, как сестра,
И пламенна, словно живая речь.
Спасает разбитое сердце верой,
Так, словно ей предназначено свыше
Гуманно протягивать дар безмерный,
Разрешающий мне свободу и смелость.
И в редкие приступы меланхолии
Надежный бальзам от душевной боли.*

Удовольствие не в том, чтобы владеть. Удовольствие это так: он и она в замкнутом пространстве — два непримиримых соперника.

Филип Рот. Людское клеймо

Глава 1

Наутро после школьного выпускного вундеркинд Колин Одинец, которого в тот день в девятнадцатый раз бросила девушка по имени Катерина, решил принять ванну. Колин предпочитал принимать ванну, а не душ, поскольку считал, что то, что можно делать лежа, никогда не стоит делать стоя. Как только вода нагрелась, он забрался в ванну и с бесстрастным выражением лица принялся рассматривать свои скрещенные ноги. Он понимал, хотя и очень смутно, что ванна ему уже мала и что его можно принять за взрослого, притворяющегося ребенком.

Когда Колину было четыре или около того, он прочитал книгу о греческом философе Архимеде, и теперь, глядя на свой плоский, но хилый живот, он вдруг вспомнил о нем. Архимед открыл, что масса тела, погруженного в воду, равна объему вытесненной им жидкости, и это открытие грек сделал, когда сидел в ванной. Как только ему в голову пришла эта светлая мысль, он прокричал «Эврика!»¹ и бросился бежать по улице нагишом. Еще в той книге говорилось, что великие открытия часто совершаются в моменты озарения. Колину тогда ужасно захотелось совершить какое-нибудь великое открытие, поэтому, когда мама вечером вернулась с работы, он спросил ее:

¹ «Нашел!» (греч.) — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. автора.

— Мам, у меня когда-нибудь будет озарение?

Мама взяла его за руку — она была взволнована:

— Что-то случилось, милый?

— Ничего. Просто... хочу озарение! — сказал он так, как другой мальчик попросил бы у родительницы черепашку-ниндзя.

Мама дотронулась до его щеки и улыбнулась. Она наклонилась к нему, и он чувствовал слабый запах духов и кофе.

— Ну конечно. Конечно же, милый, у тебя будет озарение, — сказала она.

Но все мамы врут. Такая у них работа.

Колин сделал глубокий вдох и скользнул вниз. «Я плачу, — подумал он, открыв глаза в едкой мыльной воде, в которую погрузился с головой. — Мне кажется, что я плачу, значит, наверное, так и есть, хотя под водой точно не скажешь». Но он не плакал. Как ни странно, он был слишком расстроен, чтобы плакать. Слишком уязвлен. Ту его часть, которая была способна расплакаться, Катерина, та девушка, что его бросила, очевидно, забрала с собой.

Он открыл сливное отверстие, встал, обтерся полотенцем, оделся и вышел из ванной.

Родители сидели на его кровати.

Когда родители сидели в его комнате, это был знак — хорошего не жди.

В разное время это означало:

1. Твоя бабушка/дедушка/тетя-Сьюзи-которую-ты-никогда-не-видел-но-она-была-милой-умерла-очень-жаль-правда.

2. Эта твоя Катерина отвлекает тебя от учебы.

3. Дети рождаются в результате акта, который позже покажется тебе довольно любопытным, но пока что — жутким. А еще люди иногда используют детородные органы разными способами, не связанными с деторождением. Например, поцелуи бывают не только в лицо.

Но он никогда бы не дождался другого:

4. Девочка по имени Катерина звонила, пока ты был в ванной, и хотела извиниться. Она совершила ужасную ошибку, но все еще любит тебя и сейчас ждет внизу.

И все же он втайне надеялся, что родители пришли, чтобы сообщить ему последнюю новость, номер четыре. Колин был довольно пессимистичным юношей, но для Катерин, судя по всему, делал исключение: он всегда надеялся, что они вернутся. Его охватывало чувство взаимной любви, он ощущал вкус адреналина в горле. Может быть, не все еще кончено, может быть, он снова возьмет ее за руку, и она, смягчив свой громкий, резкий голос, шепнет: «Я тебя люблю» — тихо-тихо и быстро-быстро, как всегда. Она говорила «Я тебя люблю» так, будто это была страшная тайна.

Папа Колина встал и подошел к нему:

— Мне звонила Катерина. Она волнуется за тебя.

Колин почувствовал на плече руку отца, они оба подались вперед и обнялись.

— Мы тоже очень взволнованы, — сказала мама, миниатюрная женщина с густыми кудрявыми каштановыми волосами, в которые вплелась одна седая прядь. — Более того, мы ошарашены, — добавила она. — Что случилось?

— Не знаю, — тихо сказал Колин, уткнувшись в папино плечо. — Я ей просто... просто надоел. Она устала. Так она сказала.

Мама встала и крепко обняла его, потом еще крепче, еще и еще, а потом расплакалась. Колин вырвался из ее душающих объятий и сел на кровать. Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы родители ушли, иначе он взорвется. В буквальном смысле. Расплещет кишки по стенам, а свой великолепный мозг по белой простыне.

— Что ж, нам нужно сесть и оценить твои перспективы, — сказал папа Колина. Он любил все оценивать. — Не думай, что я не сочувствую твоему горю, но, похоже,

летом у тебя будет много свободного времени. Может, запишешься на летние курсы в университете?

— Мне очень нужно побыть одному... хотя бы сегодня, — ответил Колин с напускным спокойствием, надеясь, что родители все-таки уйдут и он не взорвется. — Может, оценим перспективы завтра?

— Конечно, милый, — сказала мама. — Мы весь день будем дома. Спускайся, когда захочешь. Мы любим тебя, Колин, ты особенный мальчик. Не расстраивайся из-за этой девочки — ты прекрасен, гениален и...

Но тут особенный, прекрасный, гениальный мальчик бросился в туалет, где его вывернуло наизнанку. Если подумать, это было немного похоже на взрыв.

— Колин! — закричала мама.

— Оставьте меня одного, — прокричал Колин из туалета. — Пожалуйста.

Когда он вышел, родители уже ушли.

На протяжении следующих четырнадцати часов, не прерываясь на то, чтобы поесть, попить или снова опустошить желудок, он читал и перечитывал свой выпускной альбом, который получил всего четыре дня назад. Кроме обычной ерунды, которая бывает в выпускных альбомах, в нем было сто двадцать восемь записей, сделанных от руки. Двенадцать из них ничего особенного собой не представляли, пятьдесят шесть отмечали его ум, двадцать пять гласили, что писавшие хотели бы лучше его узнать, одиннадцать были признаниями в том, что с ним было весело учить английский, в семи упоминался «пупилярный сфинктер»¹ и невероятные семнадцать гласили «Оставайся крутым!». Но Колин Одинец не мог «оставаться крутым» по тем же причинам, по которым голубой кит не мог быть невесомым, а Бангладеш — богатым. Наверное, эти семнадцать человек

¹ Подробности позже.

шутили. Он задумался над тем, почему это вдруг двадцать пять его одноклассников, с которыми он проучился двенадцать лет, написали, что хотят «узнать его поближе». Можно подумать, у них не было такой возможности.

Но большую часть этих четырнадцати часов Колин посвятил тому, что читал и перечитывал запись Катерины XIX:

Кол!

Мы многое пережили вместе. И нас еще многое ждет впереди.

Я шепчу снова, снова и снова:

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

Вечно твоя,

К-а-т-е-р-и-н-а.

В конце концов он решил, что на кровати лежать в его состоянии не стоит, потому что там слишком удобно, и перебрался на пол. Лег на спину, распластав ноги по ковру, и принялся подбирать анаграммы для слов «Вечно твоя», пока не нашел ту, которая ему понравилась: «Что я внове?» Он лежал, размышляя над тем, внове ли он, и повторяя про себя признание Катерины, которое успел выучить наизусть. Ему хотелось заплакать, но вместо этого он ощутил боль в солнечном сплетении. То, что он сейчас чувствовал, было куда хуже слез. Слезы, пусть самые горькие, дополняют тебя. А его чувство было опустошающим.

Вечно твоя... Что я, внове?

Он думал и думал об этом, а жгучая боль под ребрами все нарастала. Было так больно, будто ему задали самую сильную в его жизни взбучку. А ведь ему было с чем сравнить.

Глава 2

Колин лежал и страдал до десяти вечера, пока в его комнату не ворвался без стука лохматый и довольно упитанный юноша, ливанец по происхождению. Колин повернул голову, прищурился и посмотрел на него.

— Что стряслось? — спросил Гассан, едва не срываясь на крик.

— Она меня бросила, — ответил Колин.

— Да, я уж слышал. Эй, зитцинклер¹, я бы тебя с радостью утешил, но содержимым моего мочевого пузыря сейчас можно пожар потушить!

Гассан промчался мимо Колина и распахнул дверь в туалет.

— Что ты ел, Одинец? Пахнет как... ФУУУ! БЛЕВОТИНА! БЛЕВОТИНА! ФУУУ!

Гассан кричал, а Колин равнодушно подумал: «А, да. Туалет. Забыл смыть».

— Прости, если промазал, — сказал Гассан, возвращаясь в комнату. Он сел на край кровати и легонько пнул Колина, лежащего на полу. — Мне пришлось зажимать нос обеими руками, так что палка-громыхалка болталась, как маятник.

Колин не засмеялся.

— О, вижу, тебе и правда фигово, потому что а) шутки

¹ Немецкое слово, означающее «хлопик». Буквально: «мужчина, писающий сидя». Странный народ эти немцы — у них на все слово найдется.

про палку-громыхалку — лучшие в моем репертуаре и потому что б) как можно забыть смыть собственную блевотину?

— Хочется сдохнуть, — монотонно произнес Колин, уткнувшись в сливочного цвета ковер.

— О боже! — вздохнул Гассан.

— У меня была мечта: добиться чего-то в жизни и завоевать ее любовь. И посмотри, что получилось. Нет, ну правда, посмотри, — с надрывом сказал Колин.

— Да смотрю я, смотрю. И скажу тебе, кафир¹, не нравится мне то, что я вижу. И то, что я чую носом, — тоже.

Гассан лег на кровать с таким видом, будто пытался оценить масштаб бедствия.

— Просто я... неудачник. Что, если на этом все и закончится? Что, если через десять лет я буду сидеть в офисе, возиться с цифрами и запоминать результаты бейсбольных матчей на спор? Что, если ее со мной не будет, а я ничего не добьюсь и останусь полным ничтожеством?

Гассан сел и положил руки на колени:

— Эй, друг, тебе нужно поверить в Аллаха. Мне никакая офиса не нужна, я и без нее счастлив, как свинья в дерьме.

Колин вздохнул. На самом деле Гассан не был таким уж набожным, но он часто пытался в шутку обратить Колина в свою веру.

— Ага. Поверить в Аллаха. Хорошая идея. А еще я бы с удовольствием поверил в то, что могу вылететь в открытый космос на спинах огромных пушистых пингвинов и кувыркаться с Катериной XIX в невесомости.

— Одинец, тебе больше всех, кого я знаю, нужно поверить в Аллаха.

— А тебе нужно учиться в колледже, — пробормотал Колин.

Гассан был старше Колина, но взял в школе «год отпу-

¹ Кафир — нехорошее арабское слово, означающее «немусульманин»; обычно переводится как «неверный».

ска». Потом он поступил в Университет Лойолы в Чикаго, но по причинам, известным только ему, не записался на осенний курс, и «год отпуска» мог превратиться в два.

— Слушай, друг, я тут точно ни при чем, — сказал Гассан с улыбкой. Это не мне сейчас так фигово, что я валяюсь на полу как бревно и не могу даже подняться, чтобы смыть собственную блевотину. И знаешь, почему я в шоколаде? Потому что со мной Аллах.

— Ты опять пытаешься обратить меня в свою веру, — недовольно простонал Колин.

Гассан вскочил с кровати, взгромоздился на Колина, прижал его руки к полу и душераздирающе завопил:

— Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его! Повторяй за мной, зитцпинклер! Ла иллаха илла-лла!¹

Колин попытался сбросить его и засмеялся, Гассан расхохотался следом:

— Я пытаюсь уберечь твою жалкую задницу от прямого попадания в ад!

— Слезь с меня, а то я и правда туда попаду, — прохрипел Колин.

Гассан послушался и мгновенно принял серьезный вид:

— Так в чем проблема?

— Проблема в том, что она меня бросила. В том, что я один. Боже, я снова один... Более того, если ты не заметил, я полный, полный неудачник. Я — бывший. Бывший парень Катерины XIX. Бывший вундеркинд. Это раньше я был вундеркиндом. А теперь я ничтожество.

Как Колин уже бесчисленное количество раз объяснял Гассану, между словами «вундеркинд» и «гений» была огромная разница. Вундеркинды очень быстро усваивают то, что другим уже известно, а гении открывают то, что прежде никому не было известно. Вундеркинды запоми-

¹ Транслитерированное исламское утверждение веры, означающее «Нет Бога, кроме Аллаха».

нают, гении творят. Большинство вундеркиндов, вырастая, не становится гениями. И Колин был почти уверен, что входит в это злополучное большинство.

Гассан снова сел на кровать и почесал поросший щетинкой двойной подбородок:

— Так в чем проблема — в гениальности или в Катерине?

— Просто я ее очень люблю, — ответил Колин.

По правде говоря, для Колина эти проблемы были связаны. Самая главная проблема заключалась в том, что он — особенный, великолепный, гениальный — был... точнее, не был. Он не был значимым. Колин Одинец, знаменитый вундеркинд, не менее знаменитый ботаник и зитцпинклер, ветеран Катеринских побоищ, не был значим для Ее Величества Катерины XIX и для всего остального мира. Внезапно он перестал быть чьим-то «мальчиком» и подающим надежды вундеркиндом. А это — выражаясь сложными словами, как подобает вундеркинду, — было отстойно.

— Гениальность, — фыркнул Гассан, пропустивший мимо ушей признание друга в любви к Катерине, — это фигня. Ты просто хочешь быть знаменитым.

— Нет, неправда. Я хочу быть значимым, — возразил Колин.

— Вот. Как я и говорил, ты хочешь славы. Слава — это новая популярность. Новой топ-моделью Америки ты не станешь, зуб даю. Так что ты хочешь стать новым топ-гением Америки и теперь — не обижайся — ноешь, потому что до этого еще не дошло.

— Утешитель из тебя никудышный, — пробормотал Колин, уткнувшись в ковер.

— Вставай, — сказал Гассан, подошел к нему и протянул руку.

Колин схватился за нее, подтянулся, а потом попытался снова лечь. Но Гассан вцепился в него мертвой хваткой:

— Кафир, у твоей сложной проблемы есть очень простое решение.